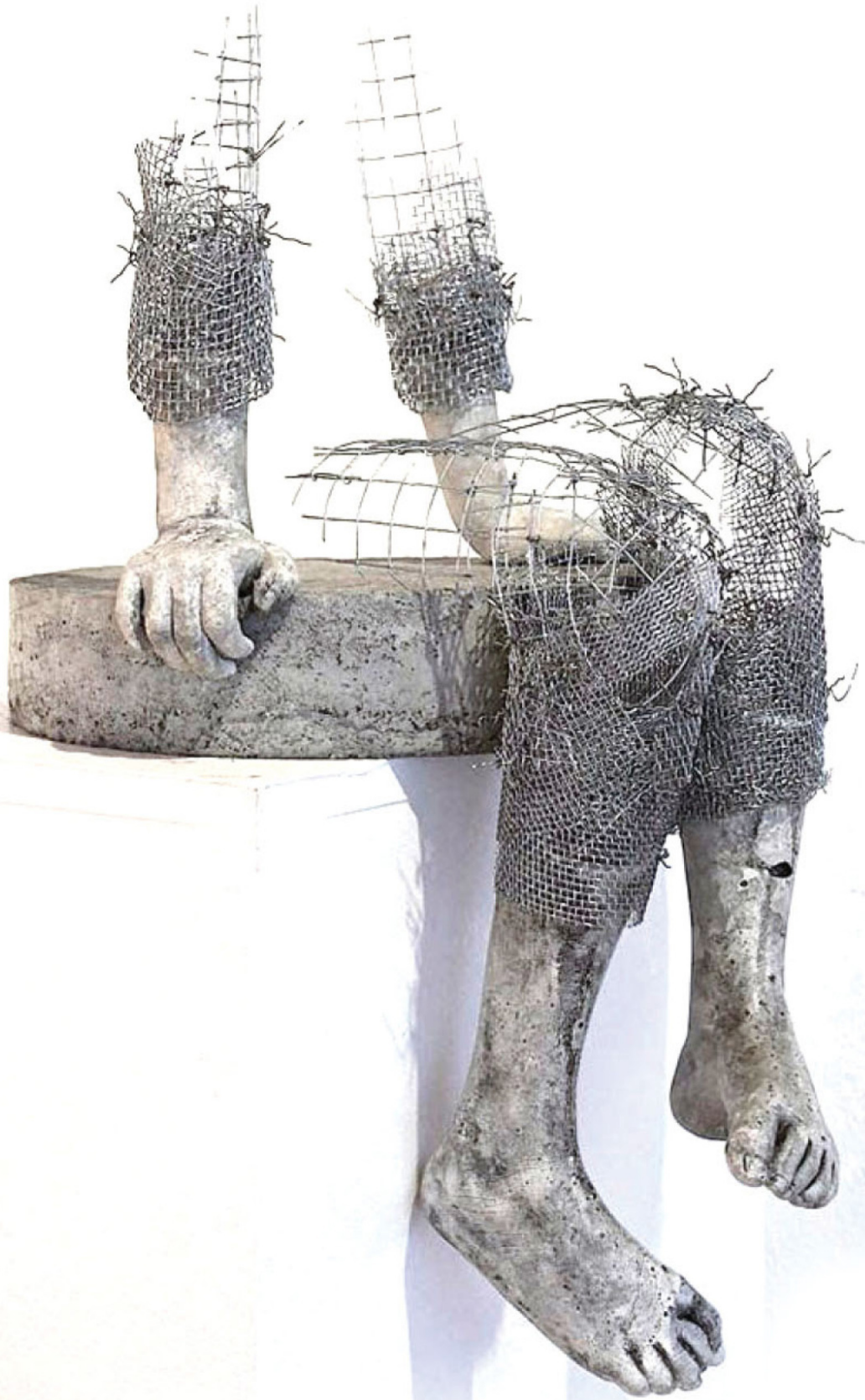

ЛУКАС
БЕРФУС

БЕЗБИЛЕТНИК

р
о
м
а
н

Лукас Берфус
Безбилетник

«Алетейя»

2017

УДК 821(494)
ББК 84(4Шва)6-44

Берфус Л.

Безбилетник / Л. Берфус — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-907030-66-4

Тема этого романа выход за рамки разлинованного мира. Мужчина идёт вслед незнакомой девушке, и с этого момента его поведение становится необъяснимым для трезвого взгляда со стороны. Он идёт по городу за девушкой, понимая, что уже одним этим совершает «преступление против личности». «Даже если женщина не замечала преследования, оно оставалось предосудительным, навязчивым, Филип должен был как можно скорее при первой возможности дать ей знать о себе». В пылу преследования он не забирает своего ребёнка у няни-надомницы, он едет на электричке без билета и попадает к контролёру, он готов дать контролёру в морду, но выскакивает на ходу из вагона, теряя при этом ботинок. Он совершает одно «преступление» за другим, дичая на наших глазах и теряя облик приличного европейца, просто потому, что подпал под стихийную силу любви, которой уже не было места в его упорядоченном мире. Но кто хочет что-нибудь достоверно узнать о мире, тот должен входить в двери незванным. Как в нашу жизнь вторгается любовь, которая делает наши поступки необъяснимыми? Можно ли вообще что-то уверенно предвидеть, а тем более планировать? Насколько мы можем доверять нашим чувственным восприятиям? Эти вопросы проливают свет на нашу жизненную реальность в XXI веке.

УДК 821(494)
ББК 84(4Шва)6-44

ISBN 978-5-907030-66-4

© Берфус Л., 2017

© Алтейя, 2017

Лукас Берфус

Безбилетник

© Л. Берфус, 2017

© Wallstein Verlag, Göttingen, 2017

© Т. Набатникова, пер. на русск. яз., 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Посвящается Мюриель

Мне всё равно, с чего начать; туда же и вернусь.

Парменид, фрагмент V

* * *

Уже очень давно я пытаюсь разобраться в истории Филипа. Мне хочется разгадать тайну, которая за ней кроется. Раз за разом я терпел поражение в этом дознании и не мог распутать узор тех картин, что представляли передо мной, картин то жестокости, то комизма, как в любом рассказе, где вождение доводит до смерти.

Я знаю всё, но я не понимаю ничего. Я знаю всю последовательность событий. Я знаю, как история начинается, знаю тот день и то место: это киоск с кренделями перед универсамом на Бельвью. Я знаю, когда история заканчивается, а именно: тридцать шесть часов спустя, ранним утром четверга тринадцатого марта на одном балконе где-то в пригороде. Мне также ясны события, которые происходят в промежутке между началом и концом: дело с меховым манто, первая холодная ночь в машине, отсутствующий бумажник, сорока, потерянный ботинок, мёртвый японский математик – всё это лежит на поверхности. Но обстоятельства, условия, в силу которых произошли те события, остаются неясными. И чем основательнее я доискиваюсь подробностей, тем более смутным становится мир, в котором разворачивается эта история. Можно подумать, со мной происходит то же самое, что с человеком из пословицы: чем дальше в лес, тем больше дров; однако лес, на этом я настаиваю, есть чистое умозрение, абстрактная система, которая в действительности не встречается. Лес распадается на множество деревьев, точно так же, как небо распадается на планеты, звёзды и метеориты.

После тщетных попыток найти взаимосвязь между картинками я пришёл к выводу, что это не столько история как таковая, которой я не понимаю, а речь идёт скорее о том, чтобы разъяснить мне мою собственную коллизию, выяснить, что хотят мне сказать эти явления, которые меня зачаровывают, околдовывают, а несколько раз даже приводили на грань безумия. Моё существование зависит от этой истории, так я уговариваю себя, и вместе с тем я знаю, как я смешон и что мне нечего бояться; что я мог бы махнуть рукой на события тех мартовских дней – и ничего бы со мной от этого не случилось, я мог бы вести свою жизнь и дальше так, как было прежде. Фактически я был бы спасён, если бы развёл руками и признался, что потерпел неудачу на истории Филипа. Она оказалась мне не по плечу – хотя и кажется совсем простой. Это похоже на то, как будто я при каждой новой попытке что-то забываю, какую-то подробность, которую нельзя упускать, как будто я теряю знак, который навёл бы меня на верный след. Я знаю, как часто я клялся в этом и тем самым обманывал себя – как пьяница, который обманывает себя последним стаканом. Я игрок, вплотную подошедший к банкротству, кото-

рый в последний раз просит раздать карты – я хочу отважиться ещё на одну попытку, я ещё раз восстановлю события и после этого уже удовольствуюсь тем, что есть.

Моя страсть не даёт мне меня покоя, да. У меня тоже есть свои одержимости, разумеется, и как любой другой я лучше оставляю их при себе. Не то чтобы я стыдился чего-то, но кое-что просто не подходит к той картинке, которая сложилась у меня о себе самом и которая теперь, в середине моей жизни, согласуется с тем образом, который сложился обо мне у моих сограждан: мужчина со множеством слабостей и ещё большим количеством принципов. Но Эрос не спрашивает, какие образы самих себя мы лелеем, напротив, зачастую кажется, будто он пытался их низвергнуть. У каждого есть своя тёмная сторона, так говорят, но между тем я понял, что для большинства людей мало постижимо в моральном смысле то обстоятельство, что тёмную сторону не всегда можно отнести ко злу, а светлую сторону – к добру. Тёмная сторона – попросту та, которой не хватает света, и довольно долго я не мог понять, что ночью все кошки действительно серы, а не только кажутся такими, нет: у них просто нет цвета. Как я к этому пришёл? Ах да: мои одержимости. Тут я поневоле вспоминаю признание Руссо, которое я прочитал несколько лет назад и которое он, насколько я помню, начинает с того, что составляет о себе самое честное и беспристрастное повествование, ничего намеренно не опуская, а о чём ему нечего рассказать, то пусть будет просто предано забвению. И я припоминаю, как мало я верил этому намерению, я счёл его стилизацией, как говорят, признанием лишь на словах, и я не доверял автору до тех пор, пока он не рассказал о своих сексуальных предпочтениях. Я не припомню, в каких словах, помню только, что это меня затронуло и что с этого момента я начал верить его утверждениям. Уж не стоит ли и мне самому признаться в своих извращениях, чтобы сделать моё сообщение достоверным?

Кое-что в истории Филипа для меня мучительно и постыдно, и это отнюдь не противостественные, грязные и больные моменты, которые в ней тоже есть. Это ничтожность некоторых деталей, с которой я не могу примириться. Многое кажется почти несущественным и совершенно будничным. Мне было бы гораздо легче, если бы внимание Филипа привлекли не эти балетки сливового цвета, обыкновенные тапочки, которые давно уже перестали быть принадлежностью только танцовщиц. Они продаются в любом универмаге задёшево, прошитые или на клею, с бантиком или без бантика, всевозможных оттенков, матовые и лакированные. И то, что в данном случае они были из телячьей кожи, тонкой отделки и изысканные, не меняет того факта, что в начале этой истории стоит пара дамских туфель.

Начало? С этим вот какое дело. Никто не может определить, с какого события начинается история. В начале господь сотворил небо и землю, так пишут – но чем он занимался до этого? И чем бы ни было то, чем он занимался до этого: почему бы это также не отнести к началу? Физики, которые заменяют бога-творца первоначальным взрывом, возражат, что вопрос абсурдный, поскольку он уже предполагает наличие времени, а время не существовало до бога или до первовзрыва. Книги и фильмы всегда утверждают некое начало, но в действительности после первоначала уже нет больше никаких начал. И пока что нет никакого конца, если это может послужить утешением. Одно втекает в другое; но вот каким образом конец одной истории связан с началом другой, остаётся непостижимо уму человека. Кто хочет распутать ткань действительности, сам в ней запутается. Это то, что я отвергаю. Я хочу разгадать загадку, но я не хочу сойти с ума.

Я свидетель тех мартовских дней, и как свидетель буду повествовать о них, полностью и неприкрашено. Кое-что выставит меня в дурном свете, но мне это безразлично. Я мог бы – ради того, чтоб казаться достоверным, – в одном месте кое-что опустить, в другом месте кое-что присочинить. Но я не хочу это делать. Моя одержимость, тут я должен в этом признаться,

моя одержимость – это правдивость. И будь это сколь угодно пошло или нет, но Филипа привели в движение именно балетки сливового цвета. Почему он за ними пошёл? На это у меня нет ответа. То была игра, по крайней мере поначалу, безобидная и безопасная, ибо если бы Филип мог предположить, что произойдёт с ним в следующие часы, он бы тотчас же отстал от женщины. Он не искал своей гибели, не ждал никакой опасности, хотя в тот момент, когда эта опасность наступила и он понял, на какой ниточке висит его существование, он без колебаний подверг себя этой гибели.

Доподлинно известно: в тот вторник, а это было одиннадцатого марта, в четверть пятого, Филип – мужчина сорока с лишним лет, ближе к пятидесяти, грузный и за последние годы несколько обрюзгший – ждал в кафе на краю Старого города некоего господина Ханлозера. Филип не знал его в лицо, ему было известно лишь, что тот недавно обанкротился со своим малярным бизнесом, из-за чего был вынужден продать земельный участок, который несколько поколений был в собственности семьи, незастроенный кусок земли высоко над озером. Назначенное место встречи не нравилось Филипу, он бы предпочёл совещательную комнату в своей фирме, но поскольку чуял скорую выгоду этой сделки, которая могла принести ему тысяч тридцать, по его оценке, и поскольку ему так или иначе надо было в шесть часов вечера объявиться у Белинды, а она жила недалеко от этого кафе, он согласился.

Кафе размещалось в одном буржуазном строении девятнадцатого века, бывшем грандотеле из времён большого расширения города, когда ровняли с землёй артиллерийские укрепления и насыпали берега озера. Тон в атмосфере кафе задавали золото и красный плюш, широкая лестница вела на подиум, за столами сидели матери со своими детьми, перед ними стояли остатки сладостей, пустые стаканы из-под фруктовых соков и чашки из-под кофе. Ханлозер заставлял себя ждать, и Филипа так и подмывало уже заказать себе кусок торта из витрины, но поскольку до назначенного времени оставалось всего пять минут, а он ни в коем случае не хотел, чтобы его застали с набитым ртом, ему пришлось удовольствоваться одним кофе, в который он всыпал две гильзы сахара. Однако и через десять минут, за которые можно было бы спокойно умять полторта, Ханлозер так и не появился. Он не реагировал ни на звонок, ни на сообщение, которое Филип ему отправил. А после того, как Филип получил подтверждение от Веры, что у него правильный номер, он стал просматривать последние известия о самолёте Малайзийских авиалиний, Боинг-777, который в минувшее воскресенье исчез где-то в «ревуших сороковых» широтах над Атлантическим океаном с двумястами тридцатью девятью душами на борту; эта трагедия вызывала его тревогу. Власти в Кулуа-Лумпуре не имели ни малейшего представления, что случилось с самолётом. Поиски, час от часу расширяя радиус действия, не приносили результата. В списке пассажиров наряду с китайскими и малайзийскими именами значились и два австрийца – на самом деле иранцы, которые попали на борт с поддельными паспортами. В течение нескольких часов эти двое считались террористами, пока не выяснилось, что они нелегальные иммигранты, и этот след тоже никуда не вывел. Не обнаружили никаких обломков, а нефтяные пятна в Малаккском проливе, как оказалось, были обыкновенным следствием рядового судоходства.

В какой-то момент Филип решил обойти всё кафе, но не обнаружил никого, кто подходил бы под описание Ханлозера. Когда он вернулся к своему столу, его чашку уже убрали, а на его месте сидела толстая женщина в голубой шапочке. Филип какое-то время нерешительно топтался на месте, не зная, что делать, потом всё-таки подхватил свой дипломат, расплатился у стойки, взял сдачу и вышел на улицу.

Ещё один факт не даёт мне покоя – это город, в котором всё происходило. Тот самый город, в котором я живу вот уже двадцать лет, который мне хорошо знаком и стал уже родным. Когда я прохожу мимо тех мест, где Филип оставил свой след, когда я вижу площади, где реша-

лась его судьба, те спокойные, умиротворённые места, я поневоле отмечаю, насколько неправдоподобно то, что именно здесь могла произойти такая история. Жители здесь порядочные, не склонные ни к чему экстремальному. Жизнь течёт в своём спокойном русле. Битвы, которые здесь разворачиваются, вряд ли могут кого-то испугать и редко смертельны. Если начертить график жизни типичного местного обывателя в виде линии между рождением и смертью, то получилась бы ровная черта без всплесков и провалов, степенное, устойчивое стремление к собственной кончине, лишь кое-где прерываемое небольшими неровностями, вздрагиваниями из-за болезни или развода. Существование после сорока лет здесь редко когда пойдёт к концу иначе, чем с постепенным угасанием, да и это, пожалуй, неточное понятие, поскольку оно предполагает некоторое горение. Пламенем охвачены здесь немногие. Скорее это напоминает тот процесс, как из надутого шарика медленно уходит воздух. Да, здесь тоже есть бедность, как и всюду, здесь тоже живут люди, которые мучают других, и люди, которые страдают от мучений. Здесь можно иногда услышать о тех достойных сожаления стариках, которые однажды падают в своей квартире, споткнувшись о мебель, да так и остаются лежать, не в силах позвать на помощь, умирая от жажды в собственной спальне, и никто их не хватится, пока месяцы спустя по дому не распространится сладковатая вонь, по которой их и обнаружат. Однако пропадают лишь мёртвые, а пока ты жив, ты ни на миг не остаёшься незамеченным. Никому не спрятаться, и в нашем городе всегда возникает удивление и недоумение, когда слышишь о человеке, который годами, а то и десятилетиями скрывался от полиции, как тот преступник, который в Южной Италии поселился в крестьянском дворе, откуда и руководил своим синдикатом при помощи рукописных распоряжений, крохотных клочков бумаги, на которых он микроскопическим почерком писал свои указания и приказы, какого новичка принять в организацию, как убить предателя и разрешить территориальный спор. У нас человек, живущий так неприметно, стал бы предметом пересудов, слухи скоро дошли бы до авторитетов – и человек был бы разоблачён. Люди всегда начеку, но не следует думать, что мы обладаем особой внимательностью или даже интересом к собственному городу или согражданам, нет, в целом преобладающая позиция – равнодушие, цивилизованное, приличное игнорирование как чужого, так и собственного пребывания, и ещё сто шестьдесят лет назад в чужих краях говорили о здешних людях, что они с большой точностью умеют рассказывать всякие чудесные истории и легенды, но совсем не знают, как так случилось, что дед на бабке женился. С тех пор многое изменилось, город приобрёл большую известность в мире, многие иностранные знаменитости провели здесь по несколько лет, наслаждаясь, снимая сливки и не испытывая потребности укорениться здесь и стать своим.

Было неправдоподобно, чтобы такой человек, как этот Филип, вдруг выбрал себе другую участь и в течение немногих дней, чтобы не сказать часов, от солидного, обеспеченного существования дошёл до грани собственной гибели. Можно было бы представить себе подобные процессы в обстановке, которую разрывают внутренние напряжения; с людьми, привыкшими к надломам и страстям; в обществе, где конфликты – дело будничное; но что я могу поделать? Это случилось так, как случилось, вот такая нелепица в истории Филипа, и с этим мне теперь жить.

Правда, и в моём городе тоже начали меняться обстоятельства. Это не явилось ошутимым переломом, внешне всё осталось по-старому, но в сознание людей закралось сомнение. Куда-то пропала надёжность, уверенность в завтрашнем дне с его возможностями; убеждение, что ты сам кузнец своего счастья и можешь делать следующий шаг на пути совершенствования; вот это вот всё дало трещину. Мало кто произносил это вслух, но многие втайне ожидали крушения; и у станков, и в аудиториях, и в больших офисах с перегородками рабочие, профессора и клерки вполголоса говорили о грядущей катастрофе. Боялись в первую очередь не злодеев, не властелинов и не самоубийц, которые взрывали себя на оживлённых площадях. Насилие

было знакомо людям и прежде, ведь мы явились не из самых мирных времён. Однако куда-то исчезла вера в то, что кто-то по своей мудрой воле задаёт ход времени. Даже могущественные персоны стали казаться растерянными и слабыми. Всё происходящее виделось случайным и произвольным, и хотя жизнь принимала свой обычный ход, люди чувствовали себя в окружении врага, который лишь изредка обретает своё конкретное лицо. Для кого-то это было лицо измождённого человека, который где-то на окраине города, после долгого бегства через море ворочался в узкой койке в кошмарных сновидениях, в воспоминаниях о смерти и изгнании; для кого-то это были невидимые господа, которые в задних комнатах плели свои интриги и готовили очередной тайный заговор. Люди боялись будущего. Куда-то испарилась беззаботность, которая не так давно расстилала своё клетчатое покрывало на цветущем весеннем лугу. Будто мы вступили – так читалось в газетных комментариях – в пороговое время, конец которого, когда бы он ни случился, мог означать лишь одно: гибель мира, каким мы его знали.

Филип стоял на солнце и закурил сигарету. Март в том году был необычайно тёплый, уже в феврале никто не видел ни снега, ни холода. Юго-западное расположение взвинтило столбик термометра до двадцати градусов, южные ветры принесли душное тепло. За всю зиму не было такого мороза, который устранил бы насекомых, в воздухе висело нездоровое дыхание, как будто предвещало не весну, а лихорадку. Над берегом озера, чёрным от гущи людей, кружили чайки, на загаженных брезентовых навесах пришвартованных парусников сидели растрёпанные утки, напоминая Филипу о зловещих новостях с Дальнего Востока. Там внезапно заболели люди, как тот мужчина из провинции Гуандун, который с высокой температурой, кашлем и болью в суставах поступил в больницу Кхуонва в Гонконге. Он заразился от тушки курицы, которую кто-то из его семьи купил на рынке в Кайпинге. После цитокинового шторма и отёка лёгких его органы отказали. То был уже пятый случай за короткое время, закончившийся смертью. Пока что вирус переходил только от животного к человеку, однако врачи предупреждали о смертельном возбудителе, самом сильном со времён инфлюэнцы, и было лишь вопросом времени, когда возбудитель мутирует так, что будет передаваться от человека к человеку, и та половина населения, которая не имеет защитных сил организма, сильно сократится.

Об этом Филип был осведомлён во всех деталях, и всё благодаря одному другу, которого он постоянно носил при себе и чуть ли не поминутно расспрашивал, не произошло ли чего в мире такого, что могло затронуть его самого. Его спутником был умный телефон, в котором он писал, читал и играл и который лишь пару лет назад совершил своё победное шествие вокруг света. Отношение к этим машинам было неясным. Те, кто их разрабатывал, уверяли нас в своей филантропии, но мы им не верили, считали их злодеями, участвующими в проекте, который ставил себе целью истребление человека. Несмотря на это, мало кто отказывался от машин, напротив, мы использовали их всё эффективнее, давали им всё больше места во всё новых областях жизни. Работа без них была уже невысказана, но и в свободное время, в полном здравии, а также всё больше и больше в любви мы полагались на их ведение и ведение, преданно шли у них на поводу, зная вместе с тем, насколько маловероятно, что они приведут нас к счастью. Но поскольку мы потеряли веру в свою свободу, знание о том, в чём могло бы состоять наше счастье, сопрягается у нас с этими машинами.

У каждой эпохи есть инструмент, от которого она фундаментально зависит. Индустриальная революция – это паровая машина, Просвещению требовалась типографская наборная касса, а моё время оказалось подвешено к прибору, правда, это был не умный телефон, как полагало большинство, а блок питания с зарядным кабелем, маленький трансформатор, которым заряжали ионно-литиевые батареи, питающие тех всезнаек. То зарядное устройство было маленьким и невзрачным, о нём мало кто говорил, но как только его не оказывалось под рукой, эти умные телефоны умирали от голода, а люди превращались в глухонемых, становились оторванными от остальных и по-настоящему беспомощными.

Но Филип ещё был на связи. Он затенил глаза от солнца, чтобы видеть на экране клавиатуры. Он написал Вере, что будет неподалёку от места встречи, и в случае, если Ханлозер объявится, пусть об этом дадут знать Филипу. По такому случаю он напомнил Вере о том, чтоб она вовремя зарегистрировала его на рейс в Лас-Пальмас, на одно из передних сидений, тогда по прибытии самолёта он не теряя времени пунктуально сможет попасть в Техеду и встретиться там с группой пенсионеров, которые проводили отпуск в пешеходных экскурсиях и интересовались квартирами, предназначенными специально для пожилых одиночек. Филип намеревался пробыть на острове до пятницы, оформить с нотариусом все бумажные дела и поставить в договорах последние подписи. Четыре апартамента из двенадцати он уже продал, хотя они существовали пока лишь в строительных планах да в жалком рекламном ролике. Это был самый крупный его проект с тех пор, как он стал самостоятельным. Застройка обошлась ему в уйму времени, денег и нервов, но теперь дело оставалось лишь за малым: подписать договоры и огрести прибыль.

Усталость, охватившая Филипа, объяснялась пропущенным обедом и жарой. Тот час, который у него оставался до поездки к Белинде, он собирался провести у себя в машине и подремать хотя бы несколько минут. И он направился к многоэтажной парковке неподалёку от променада; парковка показалась ему сейчас непривычно пустой для пяти часов вечера. Не было видно ни души – ни на кассе внизу у входа, ни на лестничной клетке, ни в лифте. Большинство парковочных мест на этаже G пустовали. Царила зловещая тишина, даже антистрессовая музыка для релакса, обычно журчащая из громкоговорителей, была отключена. Филип даже забеспокоился, уж не прозевал ли он объявление о досрочном закрытии парковки, не полицейский ли рейд тут проходит или противопожарные учения, ради которых очистили парковку, но потом он услышал звук мотора с нижних этажей и голоса людей, успокоился и пошёл к своему БМВ. Он открыл дверцу, отодвинул сиденье, откинул спинку, убрал динозавра и устроился поудобнее. Включил радио, но послышался только шорох; и его телефон, как он успел заметить, был в этом здании, за бетонными стенами, вне зоны приёма. Это его рассердило, уж могли бы установить антенну, теперь он отрезан от мира, и если Ханлозер всё-таки объявится, сообщение Веры сюда до него не дойдёт.

Что в тот момент происходило в голове у Филипа, неясно. Пожалуй, он взвешивал, насколько вероятно, что это дело ещё сладится; может, он раздумывал, не выехать ли ему наружу и не поискать ли открытое место, где можно припарковаться, но такая вероятность в это время дня была почти исключена; он только зря потратил бы драгоценное время.

Так Филип снова очутился вскоре на Бельвью, в нескольких шагах от кафе. Он стоял у киоска с кренделями, оглушённый вонью жира, соли и каустика. Он видел, как люди толпой выходили из торгового центра в сторону Театерштрассе. Он смотрел на людей, с которыми делил этот город, разглядывал бизнесменов с выбритыми щеками, секретарш, рано закончивших свой рабочий день и нагрузившихся китайским хламом, которым они украсят свои каморки на окраине города, прочитывал блаженство на их личиках. Он чувствовал запах подростков, они воняли таурином и спермой, видел их глаза, полные надежды, опьянённые иллюзиями – они не знали, что уже давно сидят в ловушке, давно поработаны кредитными договорами. Он видел пухленькую кассиршу на перекуре, видел её сальную кожу и чувствовал её неутолённую похоть, от которой её избавит лишь на короткое время кое-как отманикюренный палец, её же собственный; он видел, как она в промежутке между затяжками тайком достала из кармана своего синтетического передника итальянскую конфету с ликёром и сунула её в рот – чтобы внезапно, ощутив вкус подгоревшего фильтра, очнуться из своего сна наяву и растоптать его, как и окурок своей выкуренной сигареты.

И в толпе, которую выгребала из торгового центра карусельная дверь, он заметил пару балеток сливового цвета, две пугливые ласки, затерянные в топоте, в штамповке из полуботинок и тяжёлых сапог. Больше он ничего не углядел, сама женщина, торившая себе путь сквозь

толпу, оставалась невидимой. Филип повертел головой туда и сюда, чтобы рассмотреть её. На мгновение приоткрылся её силуэт, маленький, изящный, ранимый. Лет двадцати пяти на вид. Её лица он не увидел, но тут, должно быть, до его нюха донёлся её аромат – или представление об её аромате, розы или жасмина. Волосы её блестели, её окружало мерцание пудры, молочка и умачений. Она давала своей коже то, что этой коже требовалось, но не для того, чтобы нравиться, она лишь отдавала должное своему телу, которое несла, грациозно и проворно огибая бесчувственные посторонние тела. И когда она отделилась от толпы, Филипу показалось, что он различил жест её руки или её тела, движение, поманившее его, призывавшее последовать за нею, что не могло быть ничем иным, кроме иллюзии, ведь она его даже не заметила. Однако для Филипа не было сомнений: она имела в виду именно его, она подала ему знак. И он отлепился от своей колонны и шагнул в сутолоку вслед молодой женщине.

Неизвестно, случалось ли Филипу и раньше наугад следовать за девушкой в своих рейдах по городу, сознательно ли и преднамеренно он предался этой запретной игре. Ибо это было запрещено – пусть и не законом, но правилами приличия. Даже если женщина не замечала преследования, оно оставалось предосудительным, навязчивым, и если Филип хотел оправдать свой поступок, он должен был как можно скорее – при первой возможности – дать ей знать о себе. Оставаться в тени женщины, исподтишка изучать её, разглядывать фигуру, движения, в то время как она исполняла свои дела, забавляться её простодушным неведением – может, это было и заманчиво, но порочно и неподобающе.

В защиту Филипа можно было бы привести то, что он, насколько известно, не имел злого умысла и хотел просто скоротать время, бесполезный час, который надо было как-то убить, поскольку этот Ханлозер его подвёл, а ехать к Белинде было ещё рано. И, кроме того, всякая встреча изначально заставляет нас переступить через ту линию, которой приличия очерчивают каждого человека, ограждая его от вторжений. Кто целует лишь тогда, когда его об этом попросят, и кого целуют, только заручившись его согласием, тем никогда не целовать и не быть поцелованными. Кто хочет что-нибудь узнать о мире, получить доступ к его скрытым тайнам, тот должен входить в двери незванным, не дожидаясь приглашения. Ни одна история, тем более ни одна история любви, не приходит без нарушения правил. Ни одно завоевание не будет успешным без дерзкого присвоения права. Так что если бы Филип захотел заговорить с этой женщиной, в чём нет уверенности, то ему пришлось бы сделать что-нибудь по меньшей мере сомнительное.

Несомненным было лишь то, как он отделился от своей колонны: не колеблясь, так же внезапно и неожиданно, как маленькие дети разжимают пальцы, роняя куклу. За мгновение до этого ни один мускул у них не выказывал напряжения, ничто не предвещало, что сейчас они разожмут пальцы, не было никакого предупреждения, никакого умысла перед этим движением – так Филип оттолкнулся от колонны, так он позволил этим балеткам, этим ступням вовлечь себя в поток, который изливался вниз к Опере.

Она скрылась в толпе, сгрудившейся у светофора, и Филип примкнул к толчее, когда загорелся зелёный и люди пришли в движение, выходя на проезжую часть. С другой стороны им навстречу двигалась такая же стена из тел, человек против человека, никто не уклонялся в сторону, и поскольку у девушки в переднем ряду не было волнореза, который рассекал бы для неё волну прибоев, её отеснило вправо, за пределы видимости Филипа, и в следующий момент он уже потерял её из виду.

На площади по ту сторону какой-то оборванный тип с бородой и в шапочке, как у Джона Дира, рылся в мусорном баке; прохожий в костюме и с галстуком стоя заглядывал пиццу, нагнувшись вперёд, чтобы не заляпать жиром свою одежду. И если бы Филип хоть на несколько секунд отвернулся к озеру или к киоску, ничего бы не случилось, он вернулся бы назад, в ненадолго прерванную череду своих обязательств и скоро забыл бы те тупфли сливового цвета и ту

девушку, но поскольку он на мгновение повернулся в сторону запада – пожалуй, случайно, – он снова обнаружил её, у питьевого фонтанчика на краю пешеходного затишья, где и настиг её, когда она склонилась над чашей, спиной к нему, в позе, человечность которой растрогала его и дала ему понять, насколько она отвлеклась от окружающего мира, на какой-то момент забыла заботиться о том впечатлении, какое производила на других. Филипу хотелось бы увидеть её рот; он представлял себе, как она принаравливается к струе губами и капли воды стекают по её подбородку и шее. Он не мог видеть её лицо, видел лишь, как она придерживает левой рукой прядь волос, чтобы та не намочила в чаше, и как она приподняла одну ступню на цыпочки, отчего пятка выскользнула из туфли – слегка порозовевшая пятка, как заметил Филип, с наклеенным пластырем телесного цвета, чтобы шов не натирал нежную кожу.

Тут его спугнул тройной писк из кармана его пиджака. То была СМС от Веры. Она писала, что Ханлозер явился на встречу, хотя и с опозданием, сейчас он уже в кафе и ждёт его.

И что же Филип? Что он делает? Ничего. Он оставляет это сообщение без ответа. С Ханлозером он мог бы встретиться и на следующей неделе. Наверняка это опоздание было спланировано, а Филип не хотел, чтобы Ханлозер почувствовал на своей стороне более длинное плечо рычага. Малейшая слабость Филипа повысит цену покупки. И даже если Ханлозер соскочит и станет искать себе другого покупателя, не такая уж это будет потеря. Не настолько Филип был заинтересован в этой сделке – подумаешь, наклонный участок на краю разбросанного посёлка, на нём едва разместится домишко на семью из пяти человек. Для Филипа это был лишь приработок по сравнению с Гран-Канарией, где он через двое суток продаст последние единицы. А Вера? Почему он не ответил ей? Потому что он её знал. При малейшем сбое графика она форменным образом не находит себе места. Ему пришлось бы привести ей причину, почему он заставляет этого Ханлозера сидеть и ждать, Вера тут же подыскала бы в расписании новое окно для встречи, которое ему пришлось бы подтвердить, всё это вовлекало его в каскад из семи сообщений как минимум. А у него сейчас не было времени на это, он должен был идти вслед за женщиной к мосту через устье реки.

Поскольку ради неё он поставил на кон свой бизнес: чего Филип хотел от этой женщины? Может, он её знал? Или думал, что знает? Может, она ему напоминала кого-то из прежних времён? Если он её не знал: с какими намерениями он следовал за ней? Хотел заговорить? Для чего? Чтобы выпить с ней кофе? Может, он нуждался в собеседнике? Или искал приключения? Разве он был из тех мужчин, что без разбору заговаривают на улице с женщинами и вовлекают их в пустую болтовню? Бывают ли вообще мужчины после тридцати, которые это делают? В дешёвых романах – да, но в действительности? И бывают ли женщины, которые ловятся на эту удочку? В поездах, в самолётах, в местах, где люди поневоле делят какое-то время, там можно затеять с незнакомцем пустой разговор, который впоследствии может перерасти в интрижку. Но посреди улицы? Во вторник, в пять часов вечера, когда закончился рабочий день и все спешат куда-то забежать по дороге домой? Кому тут придёт в голову мысль об интрижке? Велики ли для среднестатистического мужчины шансы завести при этом знакомство? А он был именно среднестатистический мужчина, этот Филип, во всяком случае в его внешности не просматривалось ничего, что особо квалифицировало бы его для такой задачи. Разумеется, попробовать-то можно. Но шансы заключить сделку с неплатёжеспособным маляром были однозначно выше. Однако Филип в тот вечер не поддался на выкладки теории вероятностей. Он сделал свой выбор в пользу женщины. Не в пользу Ханлозера. Так почему же? Что побудило его поверить, что он добьётся у неё чего-то такого, что могло бы перевесить тридцать тысяч?

Если бы для него речь шла о том, чтобы немедленно овладеть женщиной, я имею в виду женщиной вообще, то ему было бы лучше встретиться с этим Ханлозером, заключить сделку и за деньги купить себе одну на два часа. Как бы это ни порицалось, продажная любовь была широко распространена, и как раз в этом городе, который пользовался известной славой по

этой части. В официальных брошюрах, которые публикует объединение иностранного туризма, раскладывая их в достопримечательных местах и отелях, сразу за ссылками на художественные галереи, церкви и изысканные кафе неизменно следуют бордели. Может, Филипп принадлежал к тем мужчинам, которые не получают удовлетворения от продажного любовного промысла и взыскиют более глубоких чувств? Ибо осталась ещё вера в романтическую любовь, то есть та идея, согласно которой два человека могут быть созданы друг для друга, связь между ними священна, и разлучить их может только смерть. Случалось ведь не раз читать о гибели от любви, об убийствах в порыве страсти, о ревности и безумии. И совсем не редкость – люди, которые из-за интрижки попали в трудное положение, стали жертвой своей одержимости, дали себя обобрать, были использованы кем-то, кто притворялся любящим, пока доверчивые не обнаруживали себя однажды утром в одних трусах в обчищенной квартире, с удивлением узнавая, что их банковский счёт опустошён. Но в общем и целом в человеческом мышлении преобладает прагматизм, он и любовь оценивает со всей деловитостью. Как раз в середине жизни, когда повседневность определяют уже обязанности, а не мечты, человек довольствуется практическими преимуществами парных отношений. И всё равно люди грезят о глубокой привязанности, о срастании с родной душой. Это было тайной фантазией каждого, и очень возможно, что и в голове Филипа витала такая идея.

С юга над чашей озера веял бриз и запутался в её одежде. Женщина сделала шаг в сторону, подняла ладонь к лицу, как будто ей надо было удерживать воображаемую шляпу. Филип видел её тонкие пальцы, её запястье, его взгляд проследовал по линии изгиба вниз, до голой лодыжки, украшенной золотой цепочкой. Она была легко одета, легче, чем прохожие, что попались им навстречу; те хотя и были ошарашены негладким теплом, но ещё не вылезали из шерстяных пальто. А эта женщина: ветер раздувал её шифоновую юбку, в некоторых местах он моделировал её округлости, прижимая блузку к корпусу, а юбку к ногам. Ветер как будто стремился создать её формы из воздуха. Чайки на лету кричали, и Филип чуял носом озеро, которое в эти дни пробуждалось из зимней стагнации. Запах ила и водорослей стоял над берегом. Воды пришли в движение, дно устремилось к свету, и тому, что раньше было на поверхности, приходилось погружаться в глубину. И в этот запах вплеталась другая приманка, сладкая, тяжёлая, человеческая: за нею и шёл Филип.

И пока она продолжала бороться с порывом ветра, который секунду спустя заставил трепетать и пиджак Филипа, взгляд его упал на часы у судовой радиостанции. Он смотрел на стрелки, и что-то в них было не так. Взглянув на своё запястье, он понял: его «Тиссо» остановились, причём не так давно. На самом деле было не пять часов, нет, время подходило уже к половине шестого.

Я долго спрашивал себя, нет ли в этом какого-то метафизического значения, уж не выпал ли Филип из времени и больше не принадлежал к тем, чьё существование подчиняется хронологии; фигура, заблудившаяся между прошлым и будущим, существо другого измерения, восставший из гроба мертвец. Некоторое время я пытался расшифровать эту историю именно таким образом, но так никуда и не продвинулся, поскольку Филип, естественно, был человек, а не эктоплазма из Голливуда и не привидение из немецкой новеллы. Нет, Филип всего лишь стал – первый раз в этой истории – жертвой электричества. Батарейка его часов испустила дух, ничего более, это могло произойти и в любой другой день, не было никакой связи с девушкой, хотя это очень даже имело последствия. У него оставались считанные минуты до того момента, когда он должен был развернуться, чтобы вовремя попасть к Белинде. Он уже внутренне попрощался – не с Белиндой, а с этой девушкой, которая ничего этого не замечала и лёгкой походкой шла своим путём.

Город сводит людей случайно, и он же по своему произволу снова разрывает пары, такое происходит постоянно, и как бы велика ни была печаль разрыва, но скоро возникает следующая возможность. Карты снова перетасовываются и раздадут новое счастье. И он уже произносил

про себя слова прощания, поскольку мост кончался, они дошли до доски, на которой город помещал свои объявления о праздниках, состязаниях по стрельбе, ежегодных и еженедельных ярмарках. В какой-то момент было неясно, в какую сторону она повернёт. Филип загадал, что она пойдёт направо, к дому городского совета, вдоль реки. Тогда бы он проследовал за ней несколько последних шагов, может быть, сумел бы заглянуть ей в лицо, а уже потом у биржи сесть на трамвай и наконец-то поехать к Белинде. И то же самое, если она пойдёт прямо, в сквер перед Национальным банком, где по субботам старьёвщики продают свою рухлядь. Но она в растерянности остановилась. Если она пойдёт налево, к набережной, ему придётся от неё отстать. За причалом, в добрых пятнадцати минутах ходьбы находились дворцы страховых обществ, но если бы её целью были они, она села бы на трамвай. Она не прогуливалась, она не слонялась без дела, она шла целеустремлённо. У неё было какое-то дело. Или она боялась надвигавшегося вечера: тени ещё приносили с собой зимний холод.

Вот она дошла до источника, до каменного мальчика, который подвёл к чаше быка на поводу. Филип следовал за ней под каштанами. В убывающем свете мартовского вечера они отбрасывали причудливые тени, в которые женщина то погружалась, то снова выныривала, чтобы тут же, при следующем шаге опять быть проглоченной ими. Она исчезала с его глаз, но он мог её слышать, её браслеты, которые звякали друг о друга со звоном алтарных бубенчиков.

Павильон, где летом танцуют танго, а дети в декабре льют свечи к Рождеству, стоял пустой, лишь трое бродяг передавали по кругу бутылку. После павильона, на площадке у ливанского кедра мальчишки гоняли мяч. Женщина подошла к ним близко, казалось, она колеблется, не зная, с какой стороны их обойти. Один бросился к ней, она уклонилась, сделала два шага в сторону, отдалившись на достаточную дистанцию, и неожиданно остановилась. Филипу мальчишки не нравились. Они давно его заметили и глазели в его сторону, пялились нагло и бесстыдно. Подростки за версту чувят малейшую слабинку, а Филип их остерегался. Он отступил на пару шагов, от растерянности достал телефон и увидел, что за это время пропустил звонок от Белинды. Она звонила незадолго до шести. Заряд аккумулятора был на тридцати двух процентах. Правда, мальчишки потеряли к нему интерес и снова вернулись к своему мячу. Девушка стояла в полоске солнечного света, падающего сквозь ветки. Волосы её сияли на просвет, и этот ореол выделял её очертания на фоне тени, словно резной контур в светлой короне, пленительная композиция, подарок для того, кто понимает. Но Филип вдруг показался себе смешным, смешной была и девушка, как будто она знала, что за ней наблюдают и любят её, как будто она притягивала к себе взгляды, как будто она стояла в центре мира и осознавала это. Она не делала попытки продолжить свой путь, преграждая ему проход на Банхоф-штрассе, а поскольку он не хотел ступать на игровое поле, ему тоже ничего не оставалось, как стоять на месте.

Неужто она шла сюда для того, чтобы постоять в последних лучах солнца? Нет, она должна была иметь какую-то цель, но какую? Может, она собиралась в кондитерскую? Может, кого-то ждала? Парня, может быть? А что это у неё на плече? Крошечная сумочка, в которой могут поместиться разве что кошелёк да телефон, ну записная книжка. Вот она подставила солнцу ладони, сделала вдох, выдох, но тут детский крик вырвал её из этого медитативного погружения. Один из мальчишек упал и разбил коленку в кровь. Филип думал, что она поспешит на помощь сорванцу, но тот уже поднялся и снова оголтело погнался за мячом.

Тут она пошла дальше и выбралась из сквера через кусты. Филип держался на хорошей дистанции, достаточно далеко, чтобы неприметно отвернуться, если она вдруг оглянется; достаточно близко, чтобы разглядывать её, в последний раз – её движения, шею, бедра, ноги. Она была хороша и казалась ещё красивее оттого, что ему приходилось её отпустить. Верёвочка отвязалась, мысленно Филип был уже на пути к Белинде и поглядывал, не идёт ли трамвай, в который он мог бы запрыгнуть, но то, что затем последовало, заняло Филипа на все ближайшие часы.

Как зачастую бывает: то, что, казалось бы, уже миновало, только и начинается по настоящему; ибо женщина обнаружила своего преследователя; по крайней мере, она сделала несколько испуганных шагов, вдруг сорвалась с места и бросилась на Банхоф-штрассе, пересекла проезжую часть и, ища спасения, скрылась без оглядки в первом попавшемся магазинчике. Это был угловой дом рядом с памятником давно забытому поэту, и там находился филиал поставщика датского королевского двора Банга, меховщика королевской мантии Фридриха Четвёртого, изготовленной к церемонии в замке Фредериксборг в 1815 году, и с того дня знаменитого самыми благородными мехами стран Запада. В этот-то магазинчик и вбежала девушка, ступив в интерьер из дымчатого стекла и латуни. Совершенно очевидно, что ей там нечего было делать, в конце концов, тамошние меха стоили целое состояние, какого Филип не мог бы ей приписать. Она просто искала защиты от своего преследователя. Филип – как громом поражённый – почувствовал себя застигнутым на месте преступления и неправильно понятым. Ему наверняка было известно, как девушки в этом городе не любят назойливости парней. Разумеется, он не хотел её напугать, а очарованность – разве это преступление? Он залюбовался её грацией, и ей – вместо того, чтобы пугаться, – уместнее было бы чувствовать себя польщённой. Но она искала защиты от человека, который не был ей угрозой, и Филипу – наполовину из тревоги за неё, наполовину из обиды за себя – хотелось объяснить ей это недо-разумение, войти в лавку и заговорить с ней. Оправдываться он не станет, всего лишь успокоит её и – может быть, если получится – пригласит на кофе. В случае отказа он это легко переживёт, не вопрос. Совсем уже было решившись, он увидел сквозь витрину, как девушка направляется к прилавку. За стойкой появился худой, серьёзный мужчина, на нём был блёклый костюм, а в глазах стояла такая скорбь, будто он был свидетелем гибели каждого зверя, мех которого теперь висел здесь на плечиках; будто он видел, как сдирали шкуру с чернобурых лисиц и колонков и вырезали нерождённых ягнят из овечьих утроб ради шкурки каракульчи. И этому привидению женщина – к великому удивлению Филипа – протянула квиток, с которым тот удался, оставив её в лавке одну. Как только мужчина исчез, она повернулась и пошла бродить вдоль ряда вывешенных манто, мимо манекенов, пока не остановилась перед рыжим соболем. Филип видел, как она, немного поколебавшись, протянула руку и запустила пальцы в мех на уровне воротника. Рука её прошлась по опушке и скользнула на уровне пояса к левому карману, в который погрузились четыре пальца. И остались там. На виду остался лишь большой палец, и Филиппу почудилось, что сейчас девушка притянет манто к себе – для танца, для объятия, но тут из заднего помещения опять появился призрак и выложил на прилавок пластиковый чехол на плечиках. Застигнутая врасплох, женщина отделилась от своего соболя и подошла к прилавку. Призрак протянул ей счёт, она сунула карточку в валидатор, мужчина взял манто и проводил её к выходу.

Нельзя достоверно сказать, что в этот момент происходило в голове Филипа, но это были приблизительно такие же фантазмы, какие одолевают большинство мужского населения. Благодаря влиянию австрийской романистики времён Австро-Венгерской монархии спустя даже сто сорок лет, в дни Филипа, сохранялась живая связь между мехами и флагелляцией, то есть той практикой, при которой мужчина получал удовлетворение через телесное наказание – плёткой ли, розгами или голой рукой женщины. Эта практика ещё не совсем исчезла, хотя воспоминания о ней слабели и постепенно угасали. Ещё лет двадцать-тридцать тому назад, в детские годы Филипа были в ходу картинки, на которых жестокие повелительницы на высоких каблуках, одетые в меха или кожу, водили на поводке своих рабов в собачьих масках. Это не было повседневно, но было распространено, так эротика второго десятилетия двадцать первого века западала на другие стереотипы. Разумеется, были и теперь мужчины, которые находили удовольствие в рабском подчинении доминантной женщине. Соответствующие услуги по-прежнему предлагались и, по общему мнению, были востребованы среди мужчин

с высоким положением, которые в специальных студиях, оборудованных под средневековые пыточные подвалы, за приличный гонорар расслаблялись. Закрепив на своих сосках дамские зажимы-крабы для волос и претерпевая оскорбления и поношения, они освобождались от ежедневного гнёта ответственности за своих сотрудников. Но всё же то были особые услуги для мужчин, занимающих особое положение, не для всеобщих неврозов. Другие забивали мозги своих современников, проповедуя среди прочего гибкость, особенно женского тела. Иногда Филип в своём бюро слышал, как Вера, его единственная сотрудница, в свой перерыв, который она начинала с поедания мелко нарезанных стеблей сельдерея, раскатывала голубой поропластовый коврик и оздоравливала себя упражнениями дальневосточной религии. Затем в его мыслях пронесли те короткие фильмы, которые роились на соответствующих порталах в поисковой категории между сексуальными практиками и курьёзами. В этих фильмах девушку, чаще всего русского происхождения, которая за счёт своей одарённости и упражнений приобретала особую гибкость, извлекал из своего чемодана мужчина, нарочито небрежно одетый, разворачивал её, пенетрировал во все отверстия, а потом снова сворачивал свою так называемую гибкую куклу и упаковывал в футляр до следующего применения. Способность, которую эти юные дамы усваивали в богатой традициями школе русского эстрадного искусства, им приходилось предлагать – из-за ослабевающего интереса к цирковым аттракционам – в видоизменённой форме в более востребованном контексте. Это свидетельствовало об особой адаптационной способности претерпевать с безучастным и стоическим лицом не только сплюснутые органы и искривлённый позвоночник, но ещё и тридцатисантиметровый член, вогнанный в прямую кишку, и эта податливость пригождалась и приветствовалась и в других жизненных обстоятельствах. Чего нельзя было сказать про мех, даже наоборот. Общественный прогресс, как раз в этических вопросах, привёл к бойкоту этого материала. Организации защиты животных не переставали информировать общество – через тайно записанные свидетельства – об ужасном положении на зверофермах по разведению пушных зверьков. Их там содержали в крошечных клетках, площадью чуть больше листа бумаги, норку, например, по природе своей подвижную и вёрткую, принуждали к пожизненному заточению, с енота сдирали шкуру живьём. Телепередачи и газетные статьи доводили всё это до сведения людей. Вероятно, Филип тоже знал об этих прецедентах – и тем не менее, нельзя с уверенностью сказать, что он почувствовал, когда увидел эту женщину, покидающую магазин мехов с этим манто в руках; сработали или нет – и каким образом – его эротические фантазии. Он определённо приписал этой женщине беспардонный эгоизм, ибо с практической точки зрения мех в этой части мира был вообще излишним, тем более, что температуры с каждым годом повышались, а индустрия моды разработала такой текстиль, который превосходил по свойствам натуральный мех и был намного доступнее по цене. Если не считать оптики, не было другой причины делать выбор в пользу меха, и вполне допустима мысль, что Филипа восхитил эгоизм, пренебрегающий ценностями морали ради сексуальной притягательности. Такая жестокость молодой женщины, у которой есть и другие возможности показать во всей красе свои преимущества, могла его дополнительно возбудить; именно эта женщина, которая на первый взгляд не производила впечатления порочной и испорченной, наоборот, она излучала невинность, ну разве что золотая цепочка на щиколотке позволяла заключить о некоторой фривольности. Но в целом мех ей не подходил. Пришлось бы вообразить себе некое превращение, повод, по которому этот мех становился костюмом: в варьете, на сцене, но почему-то Филип не мог поверить в такое выступление. Её лица он по-прежнему не видел – теперь потому, что она несла чехол, подняв его над головой, чтобы он не волочился по земле. И поэтому ему в голову пришла мысль, что она может быть старше, чем он предполагал. Может быть, девическим было лишь её тело, а лицо – сухое и морщинистое? Тогда на ней можно было бы представить меховое манто. А может быть, это вообще не её манто. Может, она работает в отеле и выполняет поручения богатых постояльцев. Услужливость, которую, как ему казалось, он разглядел в ней, говорила в пользу этого

предположения. Правда, расплачивалась она своей картой – нет, он видел лишь то, что она расплачивалась картой, но эта карта не обязательно была её собственной. Ведь то могла быть и карта отеля, возможно, но неправдоподобно. Банг несомненно бы выписал счёт. Может, то была карта персоны, которой принадлежало это манто? Это ещё более неправдоподобно. Какой постоялец доверит какому-то служащему доступ к своей карте?

Что бы ни творилось в голове Филипа, его догадки и предположения, должно быть, и привели к тому, что он захотел узнать об этой женщине больше, хотя бы заглянуть ей в лицо, по которому увидел бы её характер, и хотя он не мог себе это представить, было мыслимо, что скромность и ухоженная внешность не нашли бы соответствия в её лице; возможно, её глаза смотрели бы примитивно, а рот складывался вульгарно. Так или иначе, он решил оставаться при ней и дальше, смирившись с тем, что к Белинде он неотвратимо опоздает и это возымеет неприятные последствия.

И они сели в подошедший трамвай, ехавший в сторону вокзала, – женщина, манто и Филип. Вагон был наполнен банковскими клерками, закончившими рабочий день, секретаршами, которые использовали время, оставшееся до закрытия магазинов, чтобы купить необходимое. До Пасхи оставался ещё целый месяц, но из сумок с покупками уже выглядывали уши пасхальных зайцев, а в воздухе витал запах шоколада. По громкоговорителю объявили, что в пригороде произошёл какой-то несчастный случай, вероятно, какой-то парень, новичок в этом городе, недооценил те тридцать тонн, которыми трамвай перепыхивал улицы. Женщина остановилась в передней части вагона, повесив плечики с манто на перекладину. Он сохранял дистанцию. Между ними стояло с полдюжины пассажиров. Он оставался там, где был, ему хватало того, что он держит её в поле зрения. Куда она ехала? Что она хотела сделать с этим манто? Теперь, весной? Может, она была помощницей по хозяйству в какой-нибудь семье, работала за кров и стол ради освоения языка? Может, она с Востока? Но этот трамвайный маршрут противоречил такому предположению. Она ехала к вокзалу, а приличные кварталы располагались южнее, у озера.

Через три остановки она вышла, и последовало двести метров пешего хода сквозь толпу. Несмотря на ношу, двигалась она легко и ловко, делала резкие крюки, лавировала сквозь поток, замедлялась, снова ускоряла шаг. Ему было нелегко поспевать за ней, но Филип получал удовольствие – от её подвижности, её точных манёвров. Она встала на эскалатор, ведущий вниз, к торговому пассажу, где было сыро и прохладно, быстро пересекла зал, вошла в соединительный туннель, миновала лифты и шла дальше в сторону Национального музея. Одним ловким движением, не притормаживая, она огибала прохожих, и ему, держась позади неё, приходилось сильно напрягаться, чтобы не отстать – теперь он понял, куда она стремилась: этажом ниже, к пригородным поездам. Это ему совсем не понравилось, ему было никак не к стати, но они уже были у эскалатора, и Филип ощутил холодное дыхание старого времени года, которое ещё оставалось в глубине. Если она собирается сесть в поезд, он не может за ней последовать, и, вероятно, именно этого Филип и желал. Игра уже немного затянулась, и если он прямо сейчас от неё отстанет, то с несколькими словами извинения ещё сможет оправдаться перед Белиндой за своё опоздание. Небольшое разочарование, не более того, вечером он уже и думать забудет про эту женщину с меховым манто – и кто она такая, и когда она наденет это манто, – а к следующему утру он и вовсе про неё не вспомнит. И она действительно поехала на эскалаторе вниз, к перрону, а поскольку Филип подумал, что мог бы ещё узнать, в какой поезд она сядет, чтобы получить представление о её цели, он тоже ступил вслед за ней на эскалатор. Не так уж много времени это отнимет. И если поезд ещё не подошёл, то он мог бы набраться смелости заговорить с ней и вовлечь её в короткий разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.